о куре и лисице остались только в виде отдельных выражений, вставленных в обычный сказочный текст (см. варианты Ончукова, Никифорова).

В связи с общей установкой на занимательность, стоит и стилистическое оформление сказок о лисе-исповеднице, манера их сказывания. Прибауточные выражения, ритмическая речь, словом, так называемый «скоморошиий ясак» характерны для этих сказок. В процессе рассказывания они втягивают в себя привычные формулы устной поэтики, иногда даже совсем, казалось бы, некстати. Так, напр., Кривополенова описывала красоту кура такими выражениями: «Духовно ты дитятко, красота твоя несказанная, брови твои, как у соболя, очи твои, как у сокола, шшечки твои, как маков цвет» (вариант Озаровской, стр. 112). В другом варианте петух передает отзыв о нем митрополита: «молодец я добрый, платье цветно...» (вар. Переясл.-Залес.). Вариант Ончукова (и его продолжение — вариант Никифорова) обнаруживает особенное тяготение к прибауточной речи: лисица там заходит «на боярский дом, хотела сись из телятника теленка, из курятника куренка, от бабы робенка, от суки щененка, от овчи ягненка, от кобылы жеребенка». Погоня за лисой описывается в той же манере: «старые старухи с лопатами, с ухватами, старые старики с топорищами, с коромыслами, малы робята с мутовками, с колотовками...» и т. д.

В одном варианте (Гильфердинга) сказка о петухе и лисице подверглась любопытной переделке — она стилизовалась под старины, поется специфическим былевым напевом и стихом, удваивает сюжет, давая оба типа развязки: первый раз петух спасается, второй — лиса съедает его.

Вычтя все стилистические изменения, какие потерпел сюжет, живя среди других жанров устного творчества, мы получим ту канву, на которой отдельные рассказчики вышивали привычные узоры, каждый в зависимости от своего личного вкуса, тянувшего его или к спокойному эпическому рассказу или к веселому бойкому «скоморошьему ясаку». Эта канва целиком объясняется литературным источником сказки в виде прозаической повести о куре и лисице, и никакого остатка на долю старой сказки, существовавшей будто бы «во времена летописца Нестора», не получается. Книжному влиянию нечего было «искажать», как думал Бобров, потому что не на что было наслаиваться: ни в одном варианте нет никаких добавочных, по сравнению с книжной повестью, эпизодов, в которых можно было бы искать следы этого неизвестного древнего рассказа о лисе.

Таким образом, устная сказка о лисе-исповеднице представляет заключительный момент в жизни литературного памятника, возникшего в первой половине XVII в.: первоначальный замысел старой сатиры постепенно